

THE CONCEPT OF THE “NORM”

The term “norm” is used by researchers, at least in two ways:

1) for the general characteristic of a developed or formed language (in two meanings of the verb “to form” - the language of educated people and the created, i.e. codified, "literary" language);

2) for the designation of individual linguistic units that are recognized as correct, desirable, and are usually opposed to other – "non-normative" – variants primarily represented by dialect, colloquial, slang, and foreign units tabooed for some reason.

1.

The norm in relation to the Russian language as a whole is associated with our own ideas about the language itself, with an assessment of its state and desirable ways of improvement. All this develops historically and is fairly stable, if not forever, then for long periods.

The backbone is the historically developed features of the language, linked with its immanent internal laws of development and the events that affect them, determining the structure of the nation, the life of the people, the moods and tastes of society. These include, for example, the choice of Orthodoxy as the main religion, the nature of the territory, nature and statehood, wars, conquests, revolutions, economic and ideological changes, Greek-Byzantine, Tatar-Mongolian, Germanic, French, American-English and other foreign influences. A significant role is played by science, literature, education, education level of the population, type of writing.

The idea of the correctness of the Russian language, naturally based on the development of its original composition and system as such, cannot ignore kinship

and interaction with the Old Slavonic language. The fact that it is “communal and adoptive” (Alexander Pushkin's shrewd remark), unlike the majority of languages, cannot but be considered as its normative feature, which is not hampered by endless disputes about foreign borrowings that control acceptance or rejection of specific words. The most important motive for the development of the Russian language is the vivifying sap of the dialects of the Russian language, under the strict control of the taste of authoritative writers.

Like many languages, the Russian general language norm subtly understands the juxtaposition of the "codified literary language" and the colloquial language of everyday life ("colloquial speech"), but this juxtaposition manifests itself not as mutual exclusion, but rather as interdependence. This norm is quite strict, although rather variable in stylistic spheres. This tendency has shown itself sharply in the current process of creating types and forms of mass communication.

The Russian people are language-centered. It is unlikely that there is another writer in the world who, like Ivan Turgenev in his prose poem, which has unconditionally been inspiring people for a century and a half, would see the language as the only guarantee of the prosperous fate of the Russian people and Russia. Therefore, a caring and critical fear for its well-being and a constant sincere, albeit not always justified and reasonable care for it must be recognized as an important aspect of the norm of the language.

To a great extent, the guiding star has been the whole of Russian fiction including the classics, which has set the tone in both of these perceptions of the norm. Therefore, it seems useful to turn to one of the most authoritative authors, who was the forerunner and ally of Alexander Pushkin, the universally recognized founder of modern Russian language.

Nikolai Karamzin saw in any language "the consequence of much theorizing and considering" [2: 47], but he evaluated Russian as expressive "not only for high eloquence, for loud, picturesque poetry, but also for gentle simplicity, for the

sounds of the heart and sensitivity", as rich in harmony, as having vernacular words, consistent with the expressed action "for the outpouring of the soul" [2: 229]. *"Let us honor and glorify Our language, which, in its natural richness, almost without any alien admixture, flows like a proud, majestic river – roars, thunders – and, suddenly, if need be, softens, murmurs like a tender brook and sweetly pours into one's soul, forming all the rhythms which may be contained in the falling and rising of a human voice!"* [I: 482].

Nikolai Karamzin believed that the true wealth of a language *"consists not in a multitude of sounds, not in a multitude of words, but in the number of thoughts expressed by it. A rich language is the one in which you will find words not only for the expression of the main ideas, but also for explaining their differences, shades of meaning of greater or lesser intensity, simplicity and complexity... A language enriched by intelligent authors, a well-developed language cannot have synonyms: these always have a certain subtle difference among themselves, known to those writers who master the spirit of the language, who themselves reflect, feel, and not just imitate others"* [2: 85].

The verbal wisdom of church and secular books, superimposed on natural material wealth, on a real conversation (alas, Karamzin sighs: "in our best houses they speak French!") "expects the soul and beauty from the artist". The idea about the synthesis of bookishness and conversationality, which has become the eternal norm of our language, would be clearly formulated by Pushkin, as well as the belief that, freed from excessive foreign language influence, one must "invent expressions; guess the best choice of words; give old words some new meaning, propose them in a new context, but do it so skillfully as to deceive the readers and hide the novelty of expression from them" [2: 124].

Turning to his own translation experience, Karamzin complained: *"Our language, although rich, is not as well-crafted as the others, and so far few philosophical and physical books have been translated into Russian. It will be*

necessary to compose or invent new words, just as the Germans composed and invented them, starting to write in their own language; but, giving all justice to this latter, whose wealth and power are known to me, I will say that our language in itself is much more pleasing" [I: 250].

He regretted that the Russians do not make an effort to "work on their own language," the reason why they do not know how to "explain some subtle meanings in a conversation" [2: 229]: *"We have still had so few true writers that they have not had time to give us samples in many genres, have not had time to enrich the words with subtle ideas; they have not shown how to phrase ordinary thoughts pleasantly" [2: 124] "Lomonosov was the first founder of our language; the first to reveal its elegance. His genius consulted oneself only, guessing, sometimes making mistakes, but in all his creations he left an indelible mark of great talents. He wrote his name in the book of immortality, where the names of the Pindars, Horaces, and Rousseaus shine" [2: 110].*

It is useful to follow the example of European languages without bowing to them, this position determined Karamzin's assessment of the activities of Peter the Great, who sought to europeanize the Russian language, but "did not change all vernacular Russian, whether because he did not want to, or because he could not, is open to question"[2: 173-174]. Karamzin felt that "the French language is all in books (with all the colors and shadows, as in beautiful pictures), whereas the same refers to the Russian language only partly: the French write in the same way they speak, and the Russians must still speak on many subjects the way a talented person writes " [2: 124]. He also emphasized the role of scientific dictionaries and grammars in the development of the French literary language.

Calling for the systematic formation of the language, reflecting its enrichment with the success of society and literature, Karamzin admired and was proud of the creation of the Russian academic dictionary, which "confirms the meaning of words, relieves writers of many difficult studies, bewilderment, mistakes". He

wanted the dictionary to serve "to complement, to effect changes necessary for the natural, incessant movement of the living word to further perfection": *"Words are not invented by academies: they are born with thoughts or in the use of language, or in works of talent... New words inspired with thought enter the language autocratically, decorate and enrich it without any scientific legislation on our part: we do not give, but accept them"* [2: 170—171]. Karamzin proposes the Academy to go further – to accompany the Dictionary with Grammar, i. e. "the set of rules for producing speech": these rules in their turn "are not invented, but already exist in the language: it is only necessary to reveal or show them": Lomonosov gave the basis for this.

2.

So, the understanding of the norm in terms of the desired ways of the development and synchronous state of the Russian literary language is quite stable and is in good agreement with Karamzin's ideals shared by Pushkin and other authorities up to the present day.

Moreover, it was fine literature which, according to their behests, turned out to be the bearer of the general ideas of the desired **development** of the Russian language, and the source of the qualification of certain linguistic means. This feature of Russian philology, which unfortunately broke down into linguistics and literary criticism, has long attracted the attention of the famous American researcher Dan Davidson, a literary critic and a linguist in one person, in the spirit of classical tradition (see his remarkable article: [3]).

Modern society resolutely defends the superiority of written texts and bookish language, despite the growing expansion and the impact of mass communication, armed with video and audio recording, cinema, television, computer with its Internet and chats. Traditions persist, although we are already incredibly dependent on mobile phones and other devices that blur the line between written and oral

(sound) forms of the text, and, consequently, between bookish and colloquial varieties of the Russian language. This affects (for the time being?!) only the assessment of individual means of expression, on the whole, it steadily goes along with the general notions of literary and linguistic correctness, valid since the days of Karamazin. Private norms are perceived as less strict and less obligatory, they are often replaced whimsically by the will of chance. Thus, the rejection of excessive English-American borrowings by a large part of society, unfortunately, is visibly neutralized by the obsessive daily practice of youth periodicals, advertising, radio, cinema, and television.

However, natural normalization in the range of immanent laws of development and especially scientific and pedagogical codification (vocabulary and grammar) have always been exposed to the immediate taste, political and social aspirations, opinion of authoritative personalities. These influences, in essence, determine the preferences and rejections of the synchronous state of speech, but can either slow down or accelerate the internal development of the system and the composition of a language.

Codification as done by poets, writers, actors is carried out, as a rule, by the dictates of duty, without setting it as the final goal; whereas authors of dictionaries, grammars, reference books and textbooks, professional linguists, philologists, teachers do it quite consciously, in the performance of their duty. In the latter case, more or less convincing scientific and systemic arguments are sought, traditions are taken into account, national specificity is observed (the dictate of ideas about the norm of the language as a whole), and observations are made of particular cases in real speech and texts, first of all by respected persons. S. I. Ozhegov spoke about two principles of concrete recommendations: 1) a mistake can be widespread; 2) it makes sense to fight an error until it makes sense to fight it.

It is clear that variative means of expression are codified, when undifferentiated synonymous redundancy is created, when one of the correlative

parallel units seems for some reason preferable or, on the contrary, undesirable. The choice is often supported by an authority regarded as a prestigious guide, but the main role, as it seems, is played by the public taste of the era or the moment, and even the pure accident.

It cannot be overlooked that the strength of the norm for individual cases differs sharply, depending on the level of the linguistic system. They are legislatively prescribed in orthography, they are stable and strict in phonetics, they are stricter in morphology than in syntax, and in vocabulary they become blurry under the pressure of stylistics and expressiveness. V. V. Vinogradov reflected that in stylistics the rules are guided by authoritative samples, and – with a bit of sarcasm – that in spelling and punctuation they are approved by officials, the reason why many poets can do without them.

History has witnessed periods when Russian society was fond of foreign borrowings and, on the contrary, resisted them. Different means of expression were therefore evaluated differently: from the emerging synonymous expressions, preference is given now to the foreign one (*голкипер, коттоновый, саммит, саундтрек*), now to the native one (*вратарь, хлопчатобумажный, встреча в верхах, звуковая дорожка*). This concerns even the evaluation of international units, which appear together with new objects and phenomena (*ксерокс, компьютер, менеджер, консалтинг*, names of dances, clothes, etc.).

The post-revolutionary free thinking of the 1920s obviously accelerated the two-hundred-year process of "pushing out exceptions" in verbs with alternations of root consonants: *махать – машу, махаю, двигать – движу, двигаю, полоскать – полощу, полоскаю*; "Guarding" moods of the 30–40s, on the contrary, suspended it: *пахать – пашу* with the unacceptable *пахая*. Educated people (and coders!) agreed with a change of accent in *шофёр* in the previous century, but the current widespread accent in *жалюзи* is perceived as unacceptable. Examples of this kind are numerous.

At the same time, particular norms even in cases of obvious fluctuations of equal variants (Russian people often ask the question: "but still, what's the correct variant?") are made absolute, imposed by school and take root in speech practice under the close supervision of the Russian linguistically educated society. Those who do not comply with this enforced rule due to ignorance or negligence (with the exception of poets, for whom Russian tradition secures the right even to "author's spelling"), are condemned as "illiterate", and in certain situations (when applying for a job or taking exams) are punished.

It is curious to compare the particular norms adopted today with those that were characteristic of Karamzin's texts and that cause surprise today, although basically they could have remained unchanged. The examples given expand the material and confirm the conclusions of the well-known Soviet Ukrainian linguist Academician L. A. Bulakhovsky. It is noteworthy that outdated particular norms are now often resurrected by mass communication workers in their age-old constructive stylistic thirst for expression and originality. Thus, modern journalists revive possessive forms, which abound in Karamzin's texts, but in the past two centuries have been out of use, except in the title "Слово о полку **Игореве**" (*The Lay of the Host of Igor*).

«Ныне представляли «Дон-Карлоса», Шиллерову трагедию. Автор пишет в Шекспировом духе» [1: 103, 104]. «Забавные Шекспировы критики похожи на дерзких мальчиков, которые окружают на улице странно одетого человека и кричат: «Какой смешной! Какой чудак!» [1: 408]. «При издании сего Шекспирова творения почитаю почти за необходимость писать предисловие... Характер Брутов есть наилучший» [2: 7, 10]. «Я рассматривал со вниманием Рафаэлеву Марию..., Корреджиеву «Ночь»..., Микель-Анджелову картину..., Веронезово «Воскресение», Караччиевы..., Тинторетовы..., Рубенсовы...» [1: 112-115]. «Ноево жертвоприношение» [1: 114]. «Я ещё с большим удовольствием буду читать произведения Гердерова

ума» [1:140]. «Между многими изображениями славных авторов стоит **Пиронов бюст**» [1: 350]. «Слава **Лувуазьерова** пристрастию многих здешних дам к химии» [1: 351] «В бедствиях образовалась душа **Генрихова**» [1: 355]. «По словам **Виландовым**, сочинения **Боннетовы** заставляют читателей любить автора» [1: 252]. «Собираются там ревностные жан-жакисты пить кофе в честь **Руссовой** памяти» [1: 364]. «"Всякий дурной человек непременно должен быть трусом", – говорит Стернов капрал Трим... Мы еще современники **Вольтеровы!**.. Достоинство **Вольтерово** состоит в одном выражении, но никогда не найдете в нем жарких излияний чувства, сильных стремлений сердца» [1: 387]. «В Эрменонвиле рука **Жан-Жакова** не бралась за перо, а только подавала милостыню бедным» [1: 412]. «Девиз **Жан-Жаков**: "Жить для истины"» [1: 413]. «Она гордится именем **Руссовой** супруги» [1: 414]. «Я напрасно искал гробницы **Ярославовой** дочери, прекрасной Анны, супруги Генриха I, которая по смерти его вышла за графа Креки и скончала дни свои в **Жанлизском** монастыре, ею основанном: другие же историки думают, что она возвратилась в Россию. Как бы то ни было, но ее кенотафа нет подле монумента Генриха I» [1: 400]. «Под **Мильтоновым** бюстом сооружен памятник стихотворцу Грею» [1: 487]. «"Эмилия Галотти" пребудет венцом **Лессинговых** драматических творений... **Лессингова** трагедия "Эмилия Галотти" переведена на английский язык» [2: 13, 66]. «Самый худой французский перевод **Ломоносова** од и разных мест из Сумарокова заслужил внимание и похвалу иностранных журналистов» [2: 229].

Examples are not limited to the formation of adjectives from proper names: «Сей ученый германец думал поправлять его и собственные свои мнения сообщал за мнения **сочинителейы**» [1: 247]. «Видел все достойное примечания: ...**королевские** и **королевины** комнаты» [1: 301]. «Что

принадлежит до характеров, то не знаю, в каком наиболее удивляться искусству *авторову*» [2: 13].

The system of causal conjunctions is also different (some existed, but were perceived as colloquial): «Он самый светский человек: любит и умеет говорить; говорит смело, **для того что** знает свою цену» [1: 129]. «Не ищущу искренности, не ищущу симпатического сердца — не ищущу **для того, что** найти не надеюсь» [1: 284]. «Двадцать лет просидел в подземной темнице, **для того что** не хотел изменить своей Аманде и не отвечал любовью на любовь мароккской принцессы» [1: 214]. «Картины стерты, **для того что** они были слишком соблазнительны для набожных людей» [1: 301]. «Они приметит мою чувствительность и **для того**, может быть, обошлись со мною ласковее, нежели с другими пассажирами» [1: 429]. «Нельзя ехать? **Для чего же?**» — «Становится поздно, и находят облака» [1: 257]. «Ах нет, Лиза! Ей не надобно ничего сказывать» — «**Для чего же?**» [1: 512]. «Нет там ни замков, ни ключей, **для того что** нет воров» [2: 183]. «Некоторые из присланных мне пьес остались ненапечатанными, не **для того, чтобы** я почитал их худыми, но **для того, что** они почему-нибудь не входили в план «Московского журнала»... Обещал я фронтиспис, но не выдал его **затем, что** он был вырезан очень неудачно» [2: 36–37]. «Рабле советует покупать все глупые книги, **для того что** они уже не будут напечатаны в другой раз» [2: 83].

French loan translations are out of use nowadays: «Она **берет участие** в его печали» [1: 145]. «Они не **брали участия** в общем разговоре; взглядывали иногда друг на друга и утирали платкам покрасневшие глаза свои» [11: 168]. «Путешественник из отдаленнейшей страны Севера был при их сговоре и **брал участие** в радости невинных сердец» [1: 216]. «Друзья ваши **берут участие** в вашей горести, хотя и не знают причины ее» [1: 267]. «Кто видит мои слезы? Кто **берет участие** в моей горести?» [1: 425]. «Они **берут**

предосторожность: не возят и не носят с собою много денег и редко хотят по ночам, особенно же за городом» [1: 470]. «Я **потребовал** у трактирщика бутылку гохгеймского вина, и притом самого старого, какое только есть у него в погребе» [1: 157]. «В ожидании дилижанса... велел я приготовить себе ужин» [1: 201]. «Мы **велели** подать цыпленка, анчоусов, сыру, масла, бутылку кларету...» [1: 467]. «Вошли четыре человека в дорожных платьях и вместе со мной **потребовали** обеда» [1: 229] (*потребовать, велеть* are here synonymous to *заказать, попросить, купить*).

Particular differences from modern standards in Karamzin's texts are, of course, more numerous than systematic ones. It is important to note that for the most part he reflects the conventional usage of the era. Remembering the beginning of the letter of Tatyana Larina, it is not difficult to understand syntactic government of the type *писать к кому, касаться до чего* are not individual: «**достичь до совершенства**» [2: 171]. «Что **принадлежит до** критики новых русских книг, то мы не считаем ее истинною потребностью нашей литературы» [2: 127]. «Что **принадлежит до** философов, то...» [2: 187].

Morphological examples: «**простее**» (= проще) [2: 151]. «Здесь Лафонтен **тонее**» [2: 148], «**долее**» [2: 151]. «Саксонские земледельцы вообще гораздо **богачее** прусских» [1: 109].

«На все смотрю с отменным любопытством: на **домы**, на кареты, на людей» [1: 304]. «Тут магазины, кофейные **домы**, трактиры» [1: 340]. «Узкие, нечистые, грязные улицы, худые, **домы**... И это Париж... Тут представились нам красивые здания, **домы** в шесть этажей, богатые лавки [1: 302]. «Англия есть кирпичное царство; и в городе, и в деревнях все **домы** из кирпичей, покрыты черепицею» [1: 430]. «Не видал ни одних величественных палат, ни одного огромного дому» [1: 435]. «Лондонские **домы** строятся с подземельною частию, в которой бывает обыкновенно кухня, погреб и еще какие-нибудь очень несветлые горницы для слуг,

служанок, бедных людей. В Париже нищета взбирается под облака, на чердак; а здесь опускается в землю... **Домы** лондонские все малы, узки, кирпичные, небелены (для того, чтобы вечная копоть от угольев была на них менее приметна) и представляют скучное, печальное единообразие» [1: 442]. «Некогда люди прятались в тёмных домах и под щитом высоких заборов. Теперь везде светлые **дома** и большие окна на улицу: просим смотреть! Мы хотим жить, действовать и мыслить в прозрачном стакане... Будучи введен в некоторые хорошие **дома**, я имел случай узнать и славнейших французских остроумцев» [1: 534, 536].

«Шутили с молодыми крестьянками, которые умеют еще **краснеться**» [1: 300]. «Она спрашивала: "Что угодно господину?" и **краснелась**... Никак не хотела сесть и при всяком слове **краснелась**, хотя я остерегался нескромности в разговоре с нею» [1: 482]. «Лиза удивилась, осмелилась взглянуть на молодого человека, — ещё более **закраснелась** и потупив глаза в землю, сказала ему, что она не возьмёт рубля» [1: 508]. «Опасность не **миновалась**» [1: 430]. «Славный Борк уже **стареется**» [1: 485]. «**Краснелся** и вздыхал» [2: 131]. However, in *Marfa-Posadnitsa*, a rather late creation, clearly connected with work on *Russian History*, we find: «Если иногда светлый взор ее (Ксении, дочери Марфы — В. К.) нечаянно устремлялся на юношей новгородских, то она **краснела** не зная причины: стыдливость есть тайна невинности и добродетели» [1: 560].

«Ваши предки хотели править сами собою и были жертвою лютых **соседей**... Прежде ужасные только для самих себя и несчастные в глазах **соседей**, новгородцы под державною рукою варяжского героя сделались ужасам и завистию других народов» [1: 545].

«Увидел я старую, иссохшую и бледную женщину, лежащую на **постеле**» [1: 188] (cf.: genitive case in the meaning of 'near': *стояли подле постели*). «Броситься на мягкую **постелю** и... заснуть глубоким сном с

приятною мыслью о будущем» [1: 335]. «Лудовик XIV спал на высокой постеле, с которой он видел, сквозь прямую аллею, весь Париж перед собою» [1: 394].

«**Ролю** девки-молочницы играла та актриса, которая в "Дон-Карлосе" представляла королеву: какое превращение!» [1: 106]. «В собраниях являлся он так же часто, как прежде, но **ролю** играл совсем иную» [1: 267]. «Несравненный Моле, играющий по большей части **ролю** отцов в комедиях» [1: 326]. «Славный щеголь французского языка (разумеется, по тогдашнему времени) Бальзак играл отличную **ролю** в сем важном прении» [1: 340].

There are numerous examples of words that have changed their gender: «Подарил мне оду, сочиненную им нынешнему королю, или, лучше сказать, **кантат**, выбранный из псалмов» [1: 103]. «Живет со мною в одной **отели**, только на чердаке» [1: 407]. «Окружающий ее (церковь Св. Павла. — В. К.) **балюстрад** считается первым в свете» [1: 454]. «Главная парижская **гошпиталь**» [1: 365]. «Гриничская **гошпиталь**. Немногие цари живут так великолепно, как английские престарелые матрозы... Седые старцы, опершись на **балюстрад** террасы, видят корабли на всех парусах летящие по Темзе... Король спросил, что ему более всего полюбилось в Англии? Петр I отвечал: "То, что **гошпиталь** заслуженных матрозов похожа здесь на дворец, а дворец вашего величества похож на **гошпиталь**"» [1: 465, 466].

Word-formation variants have changed significantly: «Горе бедным **пешеходам**, а особливо, когда идет дождь... Вы очутитесь наконец в тени густых аллей, называемых булеварами; их три: одна для карет, а две для **пешеходцев**; они идут рядом и образуют магическое кольцо, или самую прекраснейшую опушку вокруг всего Парижа. Тут городские жители собирались некогда играть в шары (а 'la boule) на зеленой траве: отчего и произошло название буле-вар, или булевар» [1: 308]. «**Четвероместная карета**» [1: 276]. «Нет другого города столь приятного для **пешеходцев**, как

Лондон: везде подле домов сделаны для них широкие тротуары, которые по-русски можно назвать **намостами**: их всякое утро моют служанки (каждая перед своим домом), так что и в грязь, и в пыль у вас ноги чисты. Одно только не нравится мне в этом **намостве**, а именно то, что беспрестанно видишь у ног отверстия, которые ночью закрываются, а днем не всегда: и если вы хотя мало задумаетесь, то можете попасть в них, как в западню. Всякое отверстие служит окном для кухни или для какой-нибудь таверны, тут ссыпают земляные уголья, или тут маленькая лестница для схода вниз» [1: 442]. The modern reader would readily accept *пешеходец* (cf.: стихотворец, etc.), but will be surprised that 'pavement' had to be explained by the invented *намоств*.

«Стихотворец **пятого-надесять** века... Правда, что **осьмой-надесять** век просвещеннее всех своих предшественников; правда и то, что многие пишут на него сатиры, многие, кстати и некстати, восклицают: "O tempora! O mores!" — "О времена! О нравы!". Повторим истину несомнительную: в **девятом-надесять** веке один и тот же народ может быть великим и почтенным... Кто более нашего славил преимущества **осьмого-надесять** века: свет философии, смягчение нравов, тонкость разума и чувства?.. **Осьмой-надесять** век кончается... Если опять возвратится на землю третий и **четвертый-надесять** век?.. С самой половины **осьмого-надесять** века» [2: 50, 68, 163, 179, 182, 215] «У французов еще в **шестом-надесять** веке философствовал и писал Монтань» [2: 228].

The greatest number of historical discrepancies can be found in normative vocabulary: «Не видно реки под множеством лодок, нагруженных земляными **угольями** [1: 441] (= каменным углем); «...тут ссыпают земляные **уголья**» [1: 442]. «Просидел в моей **горнице** до двенадцати» [1: 290] (= комнате, номере гостиницы). «**Надзиратель** сказывал, что за несколько недель перед тем

украли из галереи картин десять, и притом самых лучших» [1: 115] (= смотритель). «Лудовик XIV построил... "Инвалидный дом" для изувеченных и престарелых воинов, желая доказать им царскую благодарность, и часто бывал у них в гостях, без всякой **стражи**, кроме испытанного усердия своих ветеранов» [1: 367] (*стражник, стражи* = охранник, охрана). «Если бы у меня было на сей год не 300 **субскрибентов**, а 500, то я постарался бы на тот год сделать наружность журнала приятнее для глаз читателей» [2: 36] (= подписчиков). «Богданович и мыслями и выражениями побеждает опасного **совместника**» [2: 138]. «В переводе самого Богдановича: "О ты, которая в законах и геройстве **Совместников** своих далеко превзошла..."» [2: 151]. «Воздух можно назвать переносчиком наших мыслей и связию умов человеческих. Я говорю: рождаются звуки, и воздух **влияет** их в слух других людей, которые узнают чрез то мои мнения, желания и проч. Каждый звук есть вестник, уведомляющий человека о происходящем вокруг его» [2: 78]. «По совету моего **вожатого**... Чичероне мой говорил...» [1: 454] (= гид, экскурсовод). «Какие поклоны! Шляпу держал он у сердца. Надлежало зажать уши от громкого **плеска**... Он поднял глаза вверх, стараясь собрать силы. Страшное рукоплескание! "Я буду танцевать еще завтра". Шумящее браво соединилось со всеобщим **плеском**. И занавес закрылся» [1: 281] (= аплодисменты). «Всякое слово, относящееся к нынешнему состоянию Франции, было сопровождается **плеском** зрителей» [1: 290]. «Здесь-то еще строго **наблюдаются** законы супружеской верности» [1: 192] (= соблюдают). «Не могу сказать о ней ничего, **примечания** достойного» [1: 217] (= достойного внимания, упоминания: cf. modern замечательный and примечательный). «История кармелитов», изданная на латинском языке, еще достойнее **примечания**» [1: 382]. «Где что-нибудь было или есть **примечания** достойное» [1: 352]. «**Примечания** достойно то, что одна земля произвела и лучших романистов, и лучших историков. Ричардсон и

Фильдинг выучили французов и немцев писать романы как историю жизни, а Гоберсон, Юм, Гиббон влияли (= вносили в неё, придавали ей. — В. К.) в историю привлекательность любопытнейшего романа умным расположением действий, живописью приключений и характеров, мыслями и слогом» [1: 481]. «У вас залегли уши» [1: 437] (= заложило).

It seems to makes no sense to enumerate numerous inconsistencies in writing, in general orthographic and punctuation norms, those that are subject to informed human law. It is important to draw a general conclusion: norms are sacred, they are not to be ignored, not to be disrespected, but one must observe them, at the same understanding their variability, paying special attention to those which are blurry, not yet stable: here, apparently, the very fact of variability must be recognized as the norm. It is important to keep the general norm of the language, and not to bother with particular cases. After all, Alexander Pushkin wisely urged "to give the language more freedom, so that it would develop according to his laws".

References

1. Карамзин Н. М., Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Л., 1984.
2. Карамзин Н. М., Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Л., 1984.
1. Dan E., Davidson, Christoph Martin Wieland in Russia: On the role of Nikolai Mikhailovich Karamzin (1766-1826). Lessing Yearbook. Vol. XV. Wayne State University Press, 1983. P. 213-232.

The concept of the “norm”

The paper deals with the major characteristics of speech style considered on the material of the Russian language.